

*Е. Г. Дозорцева,
Е. В. Логинова*

Подросток и преступные группировки: взгляд зарубежных исследователей

Динамика преступности несовершеннолетних в России на протяжении последних двух десятилетий свидетельствует о драматичных социальных процессах этого периода. Резкий рост противоправных действий, совершаемых подростками, включая агрессивно-насильственные преступления, наблюдался на протяжении 90-х годов XX века, став одним из наиболее ярких показателей неблагополучия общественной жизни. За некоторым замедлением темпа прироста преступности в конце десятилетия последовало новое усиление роста криминализации подростков в первые годы XXI столетия. Существенные изменения произошли на рубеже 2004–2005 гг., когда наметилась тенденция к стабилизации ситуации, сменившаяся затем ежегодным снижением уровня преступности. Вместе с тем считать, что проблема подростковой преступности перестала быть актуальной и вызывающей тревогу общества, было бы неправильно. Во многом уменьшение диссоциальных проявлений молодежи связано с особенностями демографической ситуации в стране и общим сокращением числа несовершеннолетних этой возрастной категории. Существенное негативное значение имеют и факты, свидетельствующие о большем, чем ранее, вовлечении в противоправную активность детей и младших подростков, не достигших возраста уголовной ответственности, а также девочек. Особым явлением, получившим распространение в последние годы, стала криминальная деятельность националистических групп, в которые наряду с молодыми взрослыми входят и несовершеннолетние.

По статистике, от 60 до 80 % противоправных действий несовершеннолетних совершается в группе. Общение с девиантными сверстниками, членство в делинквентной группе служит важным фактором как совершения подростком конкретных противоправных действий совместно с другими несовершеннолетними, так и формирования индивидуальных асоциальных установок, асоциального образа жизни.

Групповая делинквентность несовершеннолетних представляет собой серьезную проблему не только для России, но и для зарубежных стран. Так, более 40 % арестованных в США за наиболее тяжелые преступления – убийства, изнасилования, ограбления, физическое насилие при отягчающих обстоятельствах, кражи, угоны транспортных средств – это молодые люди в возрасте до 18 лет [1]. При этом большая часть противоправных действий молодежи осуществляется в группах. Исследованию криминальной активности несовершеннолетних посвящается

большое внимание криминологов, социологов, педагогов, психологов. Задача настоящей статьи – проанализировать подходы западных исследователей к проблеме групповой подростковой делинквентности.

Систематическое изучение делинквентных подростковых группировок было начато в США в конце 20-х – начале 30-х годов XX века представителями Чикагской криминологической школы. По данным этого периода, 80 % правонарушений несовершеннолетними совершалось в группах. В работах Ф. Трешера, одного из авторов «теории субкультуры», объяснявшей групповую подростковую преступность, описывалась ситуация 1927 г. в Чикаго, где действовали 1313 делинквентные банды (gangs), отличавшиеся друг от друга и насчитывавшие около 25 000 членов. По описаниям исследователя, эти группы образовывались спонтанно, интегрируясь в результате конфликта с внешним окружением. В дальнейшем для их членов было характерно непосредственное общение, совместное появление в окружающей среде в качестве отдельной единицы, конфликтное поведение по отношению к взрослым и другим группам, а также планирование действий. Постепенно результатом такого коллективного поведения становилось развитие традиций, нерелексируемой внутренней структуры, солидарности, морали, осознания своей принадлежности к группе ее членов и привязанность к определенной территории. Участники банд происходили из неблагополучной городской среды, и социальный конфликт соединялся у них с возрастным подростковым конфликтом в поиске идентичности. Банды становились для них референтными группами, в которых формировались основные ценности, убеждения и цели, своего рода семьями, дающими чувство принадлежности и повышающими самооценку. Создавалась специфическая субкультура, которую разделяли все члены группы, и тем самым отличались от других делинквентных групп и неделинквентных сверстников.

К 50-м годам XX века констатировалось, что большие группы городских мальчиков в США были вовлечены в насильственные конфликты и драки с другими группами. Это были объединения подростков, которые имели общие интересы и должны были защищать друг друга, свою территорию и имя банды в статусных драках, которые происходили в школах и на улицах [13].

В 80-е годы полиция, политики и криминологи начали подчеркивать организацию и специфическую активность банд. Согласно описанию Ч. Каца, член банды, в том числе основной, ассоциированный или желающий присоединиться, должен характеризоваться следующими признаками: идентифицироваться как член банды надежным источником информации, иметь татуировки банды, носить цвета банды и использовать

ее сигналы, рисовать граффити банды, быть арестованным с известными членами банды, иметь прошлые или настоящие привлечения к ответственности в качестве члена банды, участвовать в торговле наркотиками или других преступлениях, участвовать в перестрелках [8, с. 496].

В соответствии с традициями теории субкультуры и с одновременным использованием разработанных Р. Мертоном в теории девиантного поведения категорий напряжения и аномии Р. Клаурд и Л. Олин предложили варианты пути к делинквентности, которые формируют следующие три субкультуры.

1. *Криминальная*. В ней подростки используют асоциальные способы достижения нормативных для общества целей и совершают преступление для материальной выгоды. Эта субкультура образуется в областях, где существуют взрослые криминальные группировки, транслирующие свои способы «ремесла» молодежи.
2. *Конфликтная*. При отсутствии во внешнем окружении устойчивой структуры противоправного характера, к которой можно было бы присоединиться, делинквенты часто образуют конфликтующие банды, совершающие насильственные действия, вандализм и пр.
3. *Ретретистская*. Представляет собой вариант ухода ее приверженцев в употребление алкоголя, наркотиков, проституцию при невозможности найти свое место ни в легальной сфере, ни в одной из названных выше субкультурах [2].

В 30-х – 40-х годах прошлого столетия Э. Сатерленд предложил для объяснения делинквентности теорию «дифференциальной ассоциации», основанную на принципах интеракционизма. Согласно этой теории, криминальное поведение является результатом научения во взаимодействиях с другими людьми. Индивид выбирает криминальный путь, если баланс обстоятельств, мотивирующих к противоправным и законопослушным поступкам, склоняется в сторону противоправных. Эта тенденция усиливается при подкреплении социальной ассоциацией с активными людьми, представляющими определенную позицию. Чем раньше ребенок попадает под влияние людей с высоким статусом в конкретной группе, в частности, делинквентной, тем скорее он пойдет по их стопам, усваивая соответствующие установки и мотивы. Дифференциальные ассоциации, влияющие на подростка, могут варьировать по частоте, продолжительности, интенсивности, предпочтительности, однако значение имеет их соотношение.

В современном варианте изучение круга общения подростков как predispositions к криминальному поведению проводится в Швеции и его последователями [14]. Использование метода анализа сетей контактов 22 000 молодых правонарушителей или подозреваемых в 29 000 пре-

ступлениях позволило Е. Сарнецки выявить важные связи и взаимодействия, способствующие вовлечению подростков в противоправную активность. В недавних исследованиях в США было показано, что такой показатель, как пропорция делинквентных друзей в круге дружеского общения подростка, более значимо связан с делинквентностью самого подростка, чем абсолютные показатели делинквентности его друзей или абсолютное число делинквентных друзей. Максимальная вероятность противоправного поведения наблюдается в случаях, когда подросток вращается исключительно в круге сверстников с высоким консенсусом относительно допустимости делинквентности, и то же самое справедливо для обратного варианта – законопослушного поведения в солидарной группе неделинквентов [7].

Определение влияния делинквентных сверстников на подростка в качестве одного из факторов риска его собственного противоправного поведения представляет собой одну из важных задач в современных исследованиях групповой делинквентности. Это обстоятельство выделялось по данным лонгитюдных исследований как существенное наряду с такими факторами, как бедность, неудачи в школе, семейная дисфункция, отсутствие привязанности к родителям, индивидуальные характеристики (психиатрический диагноз, неадекватная самооценка, делинквентные установки, негативные события в жизни), а также предшествующая делинквентность [6; 3]. Вместе с тем исследование банд в Канаде, Норвегии и США обнаружило, что большая часть перечисленных проблем была характерна для подростков и до присоединения к банде.

М. Крон и Т. Торнберри выделили на основе анализа лонгитюдов несколько значимых факторов риска для вхождения подростка в банду. К ним, в частности, относятся включенность в делинквентную активность до членства в банде и связанное с этим проблемное поведение, слабый контроль родителей, а также включенность в сеть отношений с девиантными сверстниками. Менее существенны такие характеристики, как слабая связь со школой, низкая успеваемость, негативные стрессовые события в жизни. Не имеют значения, по данным эмпирических исследований, бедность семьи и семейная структура, криминальность соседского окружения, недостаточность эмоциональных связей с родителями, неадекватная самооценка [10].

По мнению ряда авторов, важно не действие отдельных факторов, а их совокупный кумулятивный эффект. В свою очередь, членство в банде – более сильный фактор, чем социальные дефициты ее членов [5].

Один из важных вопросов, касающихся групповой делинквентности подростков, – каким образом подросток присоединяется к банде, является ли он относительно пассивным объектом ее влияний, либо актив-

ным субъектом противоправной деятельности? М. Крон и Т. Торнберри описывают три варианта присоединения подростка к уличным бандам.

1. Модель выбора (selection model). Банды ищут подростков с уже сформировавшейся склонностью к делинквентности.
2. Модель фасилитации (facilitation model). Нормативная структура банды, групповая динамика способствуют развитию делинквентности подростков.
3. Модель усиления (enhancement model). Сочетание первой и второй модели: подросток с делинквентностью ищет банду, а присоединившись к ней, усиливает свою делинквентность.

По данным уже упоминавшегося исследования И. И. Саламатиной, социализация несовершеннолетних в контексте криминальной группировки в США и Великобритании имеет характерные особенности. Возраст членов банды 14–24 года. Инициальный этап присоединения подростков к криминальной группировке начинается примерно с 13-летнего возраста: они становятся кандидатами на вступление и примерно спустя полгода принимаются в банду. К 14 годам уже имеют опыт первого ареста. Вначале подростки совершают имущественные преступления, а спустя 1,5–2 года начинают деятельность, связанную с торговлей наркотиками и насилием.

С 70-х годов прошлого века внимание исследователей группового делинквентного поведения несовершеннолетних привлек факт, что хотя делинквентность – преимущественно групповое поведение, некоторые виды преступлений чаще, чем другие, совершаются в группах. Так, некоторые имущественные и хулиганские правонарушения (вандализм, проникновение в жилище, нарушение границ собственности) совершаются в группе чаще, чем агрессивно-насильственные. Аналогичным образом значительно чаще других видов деликтов подростки совершают групповые правонарушения в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, так как совместное употребление психоактивных веществ часто не только предшествует, но и провоцирует противоправную активность несовершеннолетних. К «менее групповым» правонарушениям относятся мелкие кражи в магазинах и нападения на других людей [16].

Одна из современных тенденций в исследовании делинквентности подростков заключается в том, что в качестве единиц анализа в различных аспектах, в том числе в структурно-функциональном и лонгитюдном, рассматривается не отдельный несовершеннолетний, а делинквентная группа [11].

В работах последнего периода различаются групповая делинквентность и делинквентность банд. Банда представляет собой долговременную организацию с отчетливой структурой, лидерством, распределе-

нием труда, правилами, ритуалами и собственностью. Групповая делинквентность имеет в своей основе кратковременные связи, созданные для совершения определенных противоправных действий [15]. Делинквентная группа – это «почти группа» (Yablonsky L., 1959), по социологическим критериям она находится между организованной группой и толпой. Малые группы, которые совершают большинство делинквентных актов, чаще всего представляют собой комбинацию или подгруппы более широкой группы [14]. Это предполагает, что делинквенты имеют более широкую сеть соучастников. Соответственно, необходимо различать группы правонарушителей и сети соучастников (потенциальные соучастники, доступные подросткам).

Одна из наиболее устойчивых характеристик групп, в которых совершаются правонарушения подростков, – их размер. Почти все исследования указывают на то, что типичные группы состоят из 2–4 членов. Отмечается тенденция, что с возрастом размер группы уменьшается. В позднем детстве и раннем подростковом периоде нередко группы из 4 человек, затем они постепенно уступают место триадам и диадам. Одиночные правонарушения наиболее типичны для взрослых преступников, вероятно, потому, что у них меньше потребность в «поддержке сверстников» в криминальном поведении [16].

Как правило, по возрасту члены группы отличаются друг от друга не более чем на два года. Чаще всего такие группы однополюые, хотя девочки чаще бывают в смешанных группах, чем мальчики. Обычно подростки повторяют одни и те же правонарушения с той же группой, но индивидуально, переходя от одного типа правонарушений к другому, они скорее меняют группы. Группы более специализированы по типу правонарушения, чем индивиды.

По данным М. Уорра, большинство делинквентных групп имеют определенного инициатора, человека, несколько старшего, опытного и близкого другим членам. Стабильность ролей достаточно велика в группе, но не между группами. Большинство правонарушителей имеют историю и инициатора, и присоединяющегося, изменяя роли при переходе от одного правонарушения к другому или от одной группы к другой. Из этого следует, что лидерство и инициирование не являются следствием устойчивой индивидуальной черты, а представляют собой принципиально ситуационный феномен. Подростки принимают роль, которая отражает их относительную позицию в группе, в которой они участвуют в конкретное время.

Таким образом, группы делинквентных подростков – небольшие, меняющиеся, кратковременные, неорганизованные объединения мальчиков. С точки зрения регулятивных процессов делинквентное поведение

в таких группах обычно мало свидетельствует о планировании или предвидении. М. Голд сообщает, что 79 % правонарушений, которые он исследовал, были задуманы менее чем за полчаса до исполнения, а 45 % «просто случились» (Gold M., 1970). Э. Эрез указывает, что чрезвычайно высокий процент преступлений всех типов был совершен под влиянием момента. Это позволяет предположить, что мотивация к совершению преступления обычно возникает после того, как группа собирается, и развивается в результате группового взаимодействия (цит. по: [16]).

Анализируя характер мотивационной регуляции противоправных действий несовершеннолетних правонарушителей, Дж. Мак-Корд предложила в качестве ее объяснения концепцию, названную ею «мотивационной теорией конструктов» («The Construct Theory of Motivation») [12]. Отличительная черта этой теории заключается в том, что автор отказывается от рассмотрения индивидуального желания или стремления как обязательной причины делинквентных действий. Мотивация понимается как основания, выступающие для действующего индивидуума в качестве описания условий, оправдывающих его действия. Эти потенцирующие основания служат для действий примерно тем же, что аргументы для убеждений. Если человек формулирует для себя набор таких оснований, то в дальнейшем он организует свое окружение так, чтобы оно соответствовало его установкам, и действует в соответствии с этими установками. Совместное совершение правонарушений способствует созданию таких установок уже за счет демонстрации определенного типа поведения в определенных условиях. В свою очередь, подросток-правонарушитель с такого рода predisпозициями будет искать себе сообщников для совершения новых групповых преступлений. Теория конструктов отличается от классических когнитивных теорий толкованием того, что традиционно считается миром личных мотивов, обоснований и ценностей. Она утверждает, что мотивы не являются чисто личным феноменом, а противоправные действия не основаны только на личном интересе. В качестве организующих действия категорий выступают потенцирующие основания, которые представляют собой относительно стабильные конструкты. Мотивированное поведение подростка может меняться с приобретением опыта, изменяющего представления человека о мире и, соответственно, потенцирующие основания для его действий.

Косвенным подтверждением этой точки зрения могут служить результаты эмпирического исследования динамики агрессии, проактивной и реактивной, в зависимости от включения в группу делинквентных сверстников у 9–12-летних мальчиков. Согласно данным П. Файт и К. Колдера, обнаружена связь взаимодействия с делинквентным окружением с уровнем реактивной агрессии, в то время как общение с де-

линквентными сверстниками и проактивная агрессия друг с другом не связаны [4]. Таким образом, именно агрессивные реакции на внешнюю провокацию могли быть включены в поведенческий репертуар младшего подростка как допустимый тип группового поведения.

В целом, зарубежными исследователями групповой делинквентности подростков накоплен значительный эмпирический материал, позволивший сделать важные теоретические обобщения и предложить объяснительные модели этого феномена. Результаты работы западных авторов убедительно доказывают, что подростковую преступность невозможно понять вне социального и группового контекста. Вместе с тем социально-психологические аспекты следует рассматривать лишь как составную часть целостной системы этого сложного феномена, требующего комплексного мультидисциплинарного изучения. Принятие обоснованных решений, как строить систему профилактики правонарушений подростков в нашей стране, должно опираться на адекватные представления о факторах риска криминального развития детей и подростков, среди которых групповые влияния занимают далеко не последнее место. В последние годы российским подростковым группировкам был посвящен ряд социологических исследований, однако, с нашей точки зрения, следует больше стимулировать изучение соответствующих социально-психологических феноменов. В этом может быть полезен зарубежный опыт, в сравнении с которым через призму социальной психологии более ярко может быть отражена специфика культуральных, исторических, экономических, этнологических и иных особенностей развития современного российского общества.

Литература

1. Саламатина И. И. Ресоциализация делинквентных групп несовершеннолетних (на материале США и Англии): Автореф. дисс. ...д-ра пед. наук. – М., 2007.
2. Cloward, R. & Ohlin, L. Delinquency and Opportunity. N.Y.: Free Press, 1960.
3. Eitle D. , Gunkel S. , Van Gundy K. Cumulative exposure to stressful life events and male gang membership // Journal of Criminal Justice. 32, 95 – 111 2004.
4. Fite P. J., Colder G.R. Proactive and Reactive Aggression and Peer Delinquency // The Journal of Early Adolescence. – Vol. 27. – №. 2. – 223–240. 2007.
5. Gatti U. , Vitaro F. , Tremblay R. E., McDuff E. Youth gangs, delinquency and drug use: A test of the selection, facilitation and enhancement hypotheses // Journal of Child Psychology. – 46. – 1178. – 1190. 2005.
6. Gordon R. , Lahey B. , Kawai E. , Loeber R. , Stouthamer-Loeber M. , Farrington D. Antisocial behavior and youth gang membership: selection and socialization. – Criminology. – 42. – 55 – 87. 2004.
7. Haynie D. L. The Relative Nature of Peer Delinquency // Journal of

- Quantitative Criminology. Vol. 18, № 2. 2002.
8. *Katz C.* Issues in the Production and Dissemination of Gang Statistics: An Ethnographic Study of a Large Midwestern Police Gang Unit // *Crime and Delinquency*. 2003.
 9. *Klein M. W., Kerner H. J., Maxson C. L., Weitekamp E.* (eds.) *The Eurogang Paradox: Street Gangs and Youth Groups in the U.S. and Europe*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. 2001.
 10. *Krohn M., Thornberry T.* Longitudinal Perspective on Adolescent Street Gangs // *The long view of crime: a synthesis of longitudinal research* / Liberman A. (ed.), Springer. – 128. – 160. 2008.
 11. *Mastrigt van, S. Farrington, D. P.* «Exploring the “Criminal Careers” of Co-offending Groups» Paper presented at the annual meeting of the ASC Annual Meeting, St. Louis Adam’s Mark, St. Louis, Missouri, 2008–11–11. http://www.allacademic.com/meta/p269279_index.html
 12. *McCord J., Conway K. P.* Patterns of Juvenile Delinquency and Co-Offending // *Crime & Social Organization* / Waring E. J., Weisburd D. (eds.), New Brunswick New-Jersey: Transaction Publishers. 15. – 30. 2002.
 13. *Regoli R. M., Hewitt J. D., DeLisi M.* *Delinquency in Society*. 2009.
 14. *Sarnecki J.* *Delinquent networks: Youth Co-offending In Stockholm*. 2005.
 15. *Siegel L. J., Welsh B. C.* *Juvenile Delinquency: Theory, Practice and Law*. Wadsworth, PubCo. 2008.
 16. *Warr M.* *Companions in crime: the social aspects of criminal conduct*. – Cambridge University Press. 2002.